

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: *Секрет успеха*¹

Все наверняка помнят первую фразу романа Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Если же говорить о странах и об их успехах в экономическом развитии, то, похоже, дело обстоит совсем не так: истории «экономических чудес» очень разнятся и порой имеют вообще мало общего. Нередко можно встретить противоречащие друг другу заключения о причинах экономического роста: про одни страны говорят, что источниками их быстрого роста стали либерализация и свободная торговля, а успех других объясняется протекционизмом и промышленной политикой.

Часто дело просто в господствующей идеологии. В 70-е годы прошлого века экономический успех Японии объяснялся специфической структурой экономики, называемой тогда *Japan incorporated* — особыми отношениями между бизнесом и правительством (MITI), между банками и нефинансовыми компаниями (германо-японская кредитно-финансовая система) и между предпринимателями и рабочими (пожизненный найм). Во время стагнации 90-х годов, и особенно после азиатского кризиса 1997 г., который не обошел и Японию, эти самые особые отношения стали рассматриваться как неотъемлемая характеристика «приятельского капитализма» (*crony capitalism*), виновного в застое и кризисе.

Многие из тех, которые с удовольствием расхваливали хорошие условия для бизнеса в Восточной и Юго-Восточной Азии, неожиданно стали критиковать «приятельский капитализм» (*cronyism*) и прочие институциональные недостатки в этих странах, как только разразился кризис 1997 г. [Chang, 2007].

Точно так же и во время азиатского кризиса 1997 г. США настаивали, чтобы азиатские страны не национализировали банки, не увеличивали госрасходов и не накачивали денежную массу в обращение, хотя сами

¹ Использована статья автора: Попов В. Стечение обстоятельств или историческая закономерность? // Вопросы экономики. 2009. № 7.

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

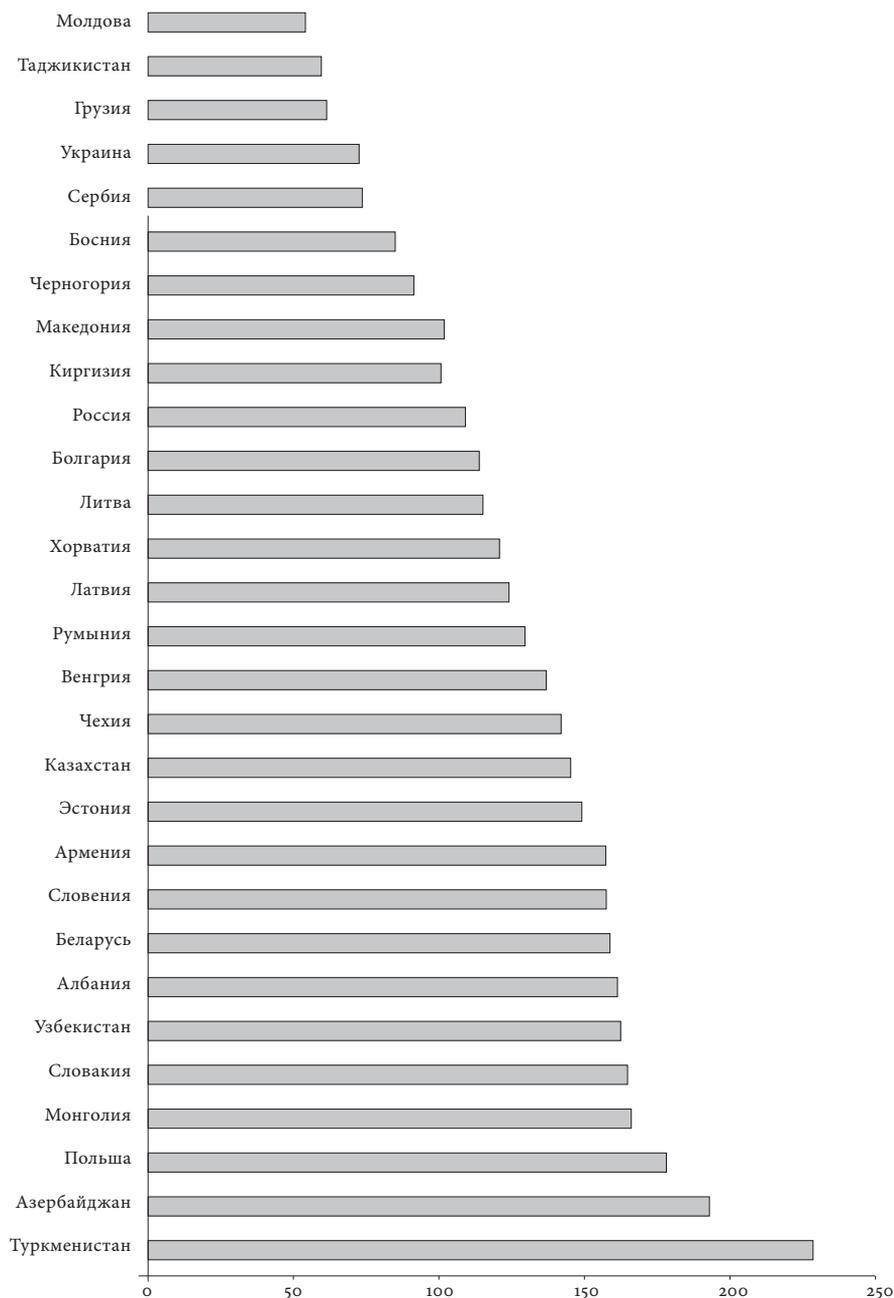

РИС. 3.1. Реальный ВВП в 2008 г. (в % к 1989 г.)

ИСТОЧНИК: [EBRD, Transition Report. London, 2008].

в ходе нынешнего кризиса 2008–2009 гг. вынуждены были прибегнуть именно к этим рецептам. «Делайте, как мы говорим, а не так, как мы делаем» — так сегодня в США объясняют различие рекомендаций в отношении экономической политики внутри страны и на экспорт. «В начале 90-х годов, — пишет об этом Г. Колодко, — западные посланцы путали Будапешт с Бухарестом и Литву с Латвией, но никогда не ошибались в отношении своих интересов» [Колодко, 2009, с. 424].

Но дело не только в господствующей идеологии и даже не в двойных стандартах (что хорошо для нас, то плохо для вас). Возьмем страны с переходной экономикой, — какие из них преуспели больше других? Среди лидеров по показателю роста ВВП в сравнении с дореформенным периодом мы видим страны Центральной Европы (Венгрия, Польша, Словения, Словакия, Чехия), успех которых обычно объясняется радикальной либерализацией (шокотерапией) — решительным дерегулированием рынков и цен, макростабилизацией, приватизацией, ликвидацией «мягких бюджетных ограничений», открытостью в отношении внешней торговли и инвестиций, быстрым переходом к консолидированной демократии и членством в ЕС.

Но есть и другие, не менее впечатляющие примеры успешного развития в посткоммунистических странах. В 1989–2008 гг. Туркменистан увеличил ВВП больше, чем Польша, а Узбекистан и Беларусь — больше, чем Венгрия, Чехия и Эстония (рис. 3.1). Да, страны бывшего СССР в целом испытали более глубокий трансформационный спад (рис. 3.1), но и скорость экономического восстановления у некоторых из них была завидной. В 2000–2008 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составили в Азербайджане 16%, в Армении, Казахстане и Туркменистане — более 10% (рис. 3.2). Между тем демократии в этих странах не так много, а доля частного сектора в Узбекистане и Беларуси до сих пор составляет 45 и 25% соответственно (рис. V.3).

Не говоря уже о Кубе, которая все еще, несмотря на все недавние реформы, остается плановой экономикой с общественной собственностью, но растет быстрее, чем другие страны Латинской Америки в среднем (рис. 3.3), и не испытала сокращения продолжительности жизни, как большинство посткоммунистических стран во время падения производства (сейчас она составляет 78 лет — лучший показатель в мире среди развивающихся стран). Да и по индексу человеческого развития Куба занимает 48-е место в мире — более высокое, чем большинство посткоммунистических стран (рис. VII.10).

Получается, что одни страны преуспевают благодаря либеральным рецептам, а другие вопреки?

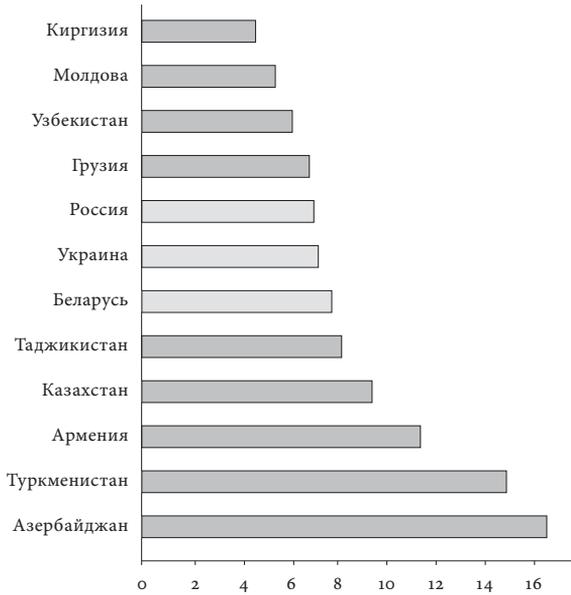

РИС. 3.2. Среднегодовые темпы прироста ВВП (в %) в странах СНГ в 2000–2008 гг.

ИСТОЧНИК: Transition Report 2008, EBRD, 2008.

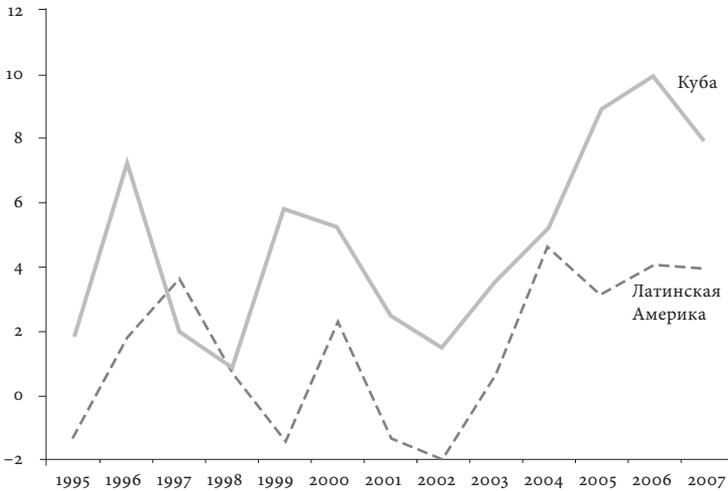

РИС. 3.3. Темпы роста ВВП (в %) на душу на Кубе и в среднем в Латинской Америке в 1995–2007 гг.

СТАДИИ РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Одно из объяснений того, что к экономическому успеху в разных странах приводит различная экономическая политика, состоит в том, что набор мер «хорошей политики» не универсален, а зависит от обстоятельств. Попросту говоря, в самом общем смысле, что хорошо для развитой страны, не обязательно хорошо для развивающейся. Кажется, и эта идея тривиальна, особенно для неэкономистов, однако экономисты до последнего времени пытались найти универсальные эликсиры роста: конкурентные рынки, свобода торговли, низкая инфляция, частная собственность, защита прав на интеллектуальную собственность...

В последние годы, однако, появилось много работ, доказывающих, что в зависимости от уровня развития (ВВП на душу населения) и качества институтов одна и та же политика может либо способствовать росту, либо тормозить его. Таможенный протекционизм стимулирует развитие в развивающихся странах с относительно хорошими институтами (низкой коррупцией), так как потери потребителя, вынужденного покупать товары по завышенным ценам, перекрываются выигрышем всего общества от экстерналии, получаемой от развития машиностроения или наукоемких производств. А протекционизм валютного курса (накопление валютных резервов) оказывается полезным всем развивающимся странам, даже и коррумпированным, так как занижение курса может иметь тот же экстернальный эффект, что и таможенный протекционизм, но, в отличие от таможенного протекционизма, является неселективной политикой, то есть не требует честного бюрократа для правильного установления пошлин на разные статьи импорта [Полтерович, Попов, 2006а; 2006б].

То же можно сказать и о движении капитала — и краткосрочных инвестиций, и даже прямых иностранных инвестиций: для развивающихся стран, особенно с плохим инвестиционным климатом, положительные последствия (импорт технологии от прямых инвестиций и дополнительное внешнее финансирование от краткосрочного капитала) могут с лихвой покрываться отрицательными — вывозом прибылей и увеличением волатильности роста [Полтерович, Попов, 2006а; 2006б].

Схожим образом обстоит дело и со свободной миграцией рабочей силы: «утечка мозгов» из развивающихся стран подрывает их потенциал роста, но эмиграция неквалифицированных рабочих позволяет сэкономить инвестиции на создание новых рабочих мест и пустить их на повышение капиталовооруженности, а следовательно, и производительности труда. Для развитых стран поэтому выгодна свободная миграция высококвалифицированных кадров, а для развивающихся стран — наоборот, свободная миграция неквалифицированной рабо-

чей силы [Полтерович, Попов, 2006а; 2006б; Polterovich, Popov, 2005; 2006]².

Или же приватизация. Даже если в развитых странах частная собственность и более эффективна, чем государственная, в развивающихся странах госпредприятия могут все равно быть предпочтительнее, так как исполнение контрактов при плохих институтах оставляет желать лучшего, и приватизация приводит к обогащению олигархов, особенно в странах с ресурсными богатствами [Chang, 2007].

Даже сформулировать принципы оптимальной макроэкономической политики на все времена и для всех стран не удастся. Оптимальные (с точки зрения долгосрочного роста производства) темпы инфляции оказываются различными для разных стран — с разной гибкостью цен и конкурентной структурой рынков [Полтерович, 2006]. И валютные режимы, как валютное управление или фиксированный валютный курс, подходят одним странам, но не подходят другим [Montes, Popov, 1999; Попов, 2009].

Политические режимы, наиболее способствующие росту, тоже различны для разных условий. Такие разные люди, как Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США, и Вэнь Цзябао, нынешний премьер Госсовета Китая, считают, что если бы в 1989 г. Китай решился на далеко идущую политическую либерализацию, то есть демократизацию в восточноевропейском или постсоветском стиле, то ни в коем случае не достиг бы небывалого экономического роста [Колодко, 2009, с. 308].

Демократизация в странах с низким правопорядком, к сожалению, ведет к подрыву институтов, росту неравенства в распределении доходов и к приватизации государства [Полтерович, Попов, 2007]. Особенно тяжелые последствия для экономического роста демократизация имеет

² Основная идея расчетов состоит в вычислении регрессионных соотношений следующего вида:

$$GR = const. + CONTR.VAR. + P(A - Y),$$

где GR — среднегодовой темп роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг. В правой части кроме константы и контрольных переменных имеется нелинейное слагаемое $P(A - Y)$, где: P — переменная политики; Y — характеристика стадии; A — критический уровень.

Каждой стране из выборки соответствует свой набор значений этих переменных. Если $Y < A$, то увеличение P положительно влияет на рост данной страны, если $Y > A$, то — отрицательно. Вместо одной переменной состояния Y можно анализировать их комбинации; тогда речь идет об отыскании критических линий или поверхностей. Рассматриваются такие переменные, как тарифы, золотовалютные резервы, приток иностранных инвестиций, затраты на исследования и на заимствование технологий, скорость иммиграции [Полтерович, Попов, 2006а; 2006б].

в развивающихся странах со слабыми институтами и большим ресурсным богатством [Polterovich, Popov, 2007; Polterovich, Popov, Tonis, 2007; 2008].

Стандарты в отношении свободы торговли, защиты прав интеллектуальной собственности, защиты прав человека и демократии или защиты окружающей среды на Западе 200 или даже 100 лет назад были совсем не такими, как те, что навязываются сегодня развивающимся странам. А те, что навязываются развивающимся странам объективно, сознают это политики и эксперты или нет, тормозят рост их экономики. Некоторые специалисты сегодня даже обвиняют Запад в том, что он пытается выбить лестницу из-под ног стран Юга после того, как сам забрался по этой лестнице на вершину богатства и благополучия путем эксплуатации колоний и детского труда [Chang, 2002].

Короче, если речь действительно идет об ускорении роста в развивающихся странах, то экономическая политика, во-первых, должна отличаться от той, которую проводят развитые страны, а во-вторых, должна меняться по мере изменения условий — приближения к технологической границе, укрепления институтов и правопорядка, роста уровня образования и т. д. Искусство творцов экономической политики как раз и состоит в том, чтобы вовремя переключаться с одной политики на другую, как переключает скорости опытный гонщик на поворотах или как врач меняет терапию по мере выздоровления больного. Задача экономической науки — найти эти оптимальные сочетания для каждой страны и таким образом заполнить клеточки экономической периодической таблицы.

Нетрудно заметить, что такой взгляд в корне противоречит принципу *one size fits all* (политика на все случаи жизни и все времена), *TINA* (*there is no alternative* — нашей политике нет альтернативы) и идее Вашингтонского консенсуса. Однако такой подход помогает объяснить, почему страны с более низким уровнем развития и правопорядка (Азербайджан, Беларусь, Вьетнам, Казахстан, Китай, Туркменистан, Узбекистан) преуспели при авторитарных режимах и при проведении экономической политики, которая была очень далека от либеральной, проводившейся в Восточной Европе и считающейся причиной ее экономического успеха. Этот подход также помогает понять, почему страны со схожим уровнем экономического развития и правопорядка, но более демократические и более либеральные (Грузия, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина), отстали в своем экономическом развитии как от Восточной Европы, так и от авторитарных и нелиберальных режимов (рис. 3.1, 3.2).

ПРАВЫЙ УКЛОН И ЛЕВЫЙ УКЛОН: В ПОИСКАХ
ОТСУТСТВУЮЩЕГО КОМПОНЕНТА РОСТА

Но даже и странам с одинаковым уровнем развития, со схожими институтами и другими исходными условиями одна и та же политика может быть противопоказана. В первом приближении можно провести различие между экономическими системами с преобладанием госрегулирования и с преобладанием рыночных механизмов. Если для каждого уровня развития (и для других исходных условий) существует оптимальное сочетание рынка и государства, то некоторые страны окажутся «справа» от линии раздела, с недоразвитым государством (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, за исключением Кубы, конечно, Южная Азия, СНГ), а некоторые — «слева», с недоразвитым рынком (социалистические страны до перехода к рынку). Если первые страдают в основном от «провалов государства» (state failure), то вторые — от «провалов рынка» (market failure).

Схожую аналогию проводил Василий Леонтьев (1974), когда сравнивал рыночную экономику, в которой производители максимизируют прибыль, с парусным кораблем без руля. Он может быстро двигаться, но неуправляем и может быть выброшен на скалы. Напротив, плановая экономика, в которой прибыль не является стимулом, подобна кораблю без паруса, но с рулем. Ее можно направить в точно заданном направлении, если только она вообще сможет двигаться.

Другими словами, реформы, которые требуются для ускорения роста, различны, а может быть, и прямо противоположны в разных странах. Инженерия экономического роста — как приготовление кулинарного шедевра: все ингредиенты должны быть в точности в правильных пропорциях, если чего-то не хватает или что-то в избытке, спусковой механизм роста не работает, «экономического чуда» не случится.

Для быстрого экономического роста требуется среди прочего и материальная инфраструктура, и человеческий капитал, и равномерное распределение земли в аграрных странах, и сильные государственные институты, и экономические стимулы. Если одного из ингредиентов не хватает, если в одно и то же время в одном и том же месте не сходятся все необходимые обстоятельства роста, чуда не произойдет. Д. Родрик, Р. Хаусманн, А. Веласко в известной статье, озаглавленной «Диагностика роста» [Rodrik, Hausmann, Velasco, 2005], говорят о «критических ограничениях» на рост, которые для каждой страны разные. Иногда не хватает рыночной либерализации, иногда — сильных государственных институтов, а иногда — человеческого капитала.

Почему экономическая либерализация «сработала» в Центральной Европе и «не сработала» в 80-е годы в Латинской Америке, а в 90-е — в Африке? Потому что в Центральной Европе для роста не хватало имен-

но либерализации, тогда как критическим отсутствующим компонентом в Африке и Латинской Америке была вовсе не либерализация, а работоспособные госинституты. А почему либерализация «сработала» в Китае в 80-е годы? Потому что в Китае уже были налицо все предпосылки роста, созданные за три десятилетия коммунистического развития (1949–1979 гг.). Именно на этих достижениях правления Мао и зиждется успех экономических реформ Дэн Сяопина, тогда как экономическая либерализация стала только последней каплей, наполнившей чашу³. Остальные ингредиенты роста, и прежде всего сильные институты и человеческий капитал, уже были в наличии. Без этих ингредиентов либерализация закончилась бы всеобщим развалом, как в Африке.

Таких сильных государственных институтов, которые были построены КПК за первые 25 лет пребывания у власти (1949–1976 гг.), в Китае не было как минимум с середины XIX века (после «опиумных войн») — ни при императорах, ни при Гоминьдане (1912–1949 гг.) их создала только Компартия, часто авторитарными методами, но создала, взяв под контроль всю национальную территорию, прекратив внутренние войны и распри, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире. Впервые в китайской истории власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как КПК опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной страны — такая властная вертикаль не снилась не то что Путину, но даже и Цинь Шихуанди [Попов, 2001].

В XIX веке центральное правительство Китая не могло собрать налоги в объеме более 3% ВВП против 12% ВВП в Японии сразу же после революции Мэйдзи; при Гоминьдане налоговые сборы возросли, но незначительно, составляя не более 5%, — центральное правительство тогда не могло сыграть заметной роли в экономике, даже если бы захотело — у него просто не было денег, государственные инвестиции в инфраструктуру в тот период вообще отсутствовали. Центральное коммунистическое правительство Китая начало с доходов, эквивалентных 5% ВВП в начале 50-х годов, а оставило центральную государственную казну команде реформаторов во главе с Дэн Сяопином в 1978 г. с доходами 20% ВВП [Lu, 1999].

Теневая экономика в Китае практически сошла на нет, а уровень коррупции в 1985 г. даже по данным Transparency International был одним из самых низких в развивающемся мире. В тот же самый период правления Мао, в ходе «самого великого массового образовательного экспе-

³ Это верно и в отношении Индии, хотя и в меньшей степени: реформы начала 90-х привели к ускорению роста, так как базировались на достижениях периода госпланирования и импортозамещения [Nayyar, 2006].

римента в мировой истории» [Bhola, 1982], уровень грамотности в Китае вырос с 28% в 1949 г. до 65% к концу 70-х (в Индии — до 41%).

Короче, в Китае конца 70-х было все, что нужно для экономического роста, кроме экономической либерализации, которую, к слову будет сказано, провести намного легче, чем создать сильные институты. В этом отношении Китай был похож и на страны Восточной Европы, и на страны бывшего Советского Союза, где и человеческий капитал, и институты, доставшиеся в наследство от прежней коммунистической системы, были, что называется, на уровне. Почему же тогда либерализация «не работала» в СНГ?

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ БЕЗ ПОДРЫВА ИНСТИТУТОВ

Секрет китайского успеха состоит в том, что экономическая либерализация там не сопровождалась разрушением госинститутов, как это произошло в большинстве стран бывшего СССР. Бесценное наследие «великого кормчего» в виде эффективных госинститутов — способности государства проводить в жизнь свои законы и предписания — в Китае не растранижили, как у нас, а бережно сохранили: несмотря на рост доходного неравенства и преступности в ходе экономической либерализации, институциональный потенциал китайского государства остается на высоте, не достигаемой для большинства стран мира.

Наша экономическая либерализация — в России и СНГ, к сожалению, сопровождалась подрывом государственных институтов — доля госрасходов в ВВП резко снизилась, эффективность расходования средств упала, так как коррупция возросла. Снижение доли госдоходов и расходов в ВВП практически везде сопровождалось повышением удельного веса теневой экономики.

Сохранение большого государства в переходный период, разумеется, не может быть абсолютной гарантией благоприятной динамики производства (нужны еще и другие условия, в частности эффективное расходование государственных средств). Однако резкое сокращение госрасходов — верный путь к коллапсу институтов и глубокому падению производства, сопровождающемуся углублением социального неравенства и макроэкономическим популизмом.

Среди 30 переходных экономик только в нескольких не произошло резкого снижения доли госрасходов в ВВП в 90-е годы — в Эстонии, во Вьетнаме и в странах Центральной Европы (Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии); менее резко, чем в других странах, снизилась доля госрасходов в ВВП в Узбекистане и Беларуси (рис. I.14). Нетрудно заметить, что все перечисленные страны обнаруживают и самую благоприятную динамику ВВП: в Центральной Европе в 2000 г. ВВП превысил предкризисный уровень 1989 г. Узбекистан, Беларусь и Эстония (имен-

но в этом порядке) к 2000 г. ближе других бывших советских республик подошли к восстановлению предкризисного уровня производства, во Вьетнаме трансформационного спада вообще не было.

Как видно из рис. I.6, существует явная отрицательная корреляция между динамикой производства во время перехода к рынку и снижением доли госдоходов в ВВП: чем большим было падение государственных доходов, тем ниже был ВВП в 1996 г. в сравнении с дореформенным уровнем. Еще более тесная связь наблюдается между динамикой инвестиций и госдоходов. Интерпретация этой зависимости после всего сказанного вряд ли может вызывать сомнения: подрыв финансовой мощи государства ведет к коллапсу институтов, что, в свою очередь, подавляет экономическую активность и угнетает инвестиции.

Не может быть сомнения в том, что в начале переходного периода существовала причинная связь между сокращением размеров правительства и существенным снижением выпуска [Kolodko, 2000, p. 259].

ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ. РАЗВИТИЕ, ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОЕ ПРОШЛЫМ (*path dependent development*)?

Здесь мы, наконец, подошли к, возможно, самому главному фактору, не позволяющему сформулировать универсальные рецепты создания «чуда». Почему Китай и Центральная Европа смогли сохранить сильные институты при экономической либерализации, а Россия «выплеснула ребенка из ванны вместе с водой», подорвав институциональный потенциал государства на многие годы, а то и десятилетия вперед? Часть объяснения в том, что демократизация в Китае проводится исключительно медленно, что не ведет к разрушению институтов, как в других странах с низким правопорядком [Полтерович, Попов, 2007]. Но это только часть объяснения. Ведь есть примеры, хоть и редкие, сохранения институционального потенциала при демократизации и отсутствии сильных институтов (Япония после войны, Ботсвана, Маврикий в 60–70-е годы, после получения независимости). А с другой стороны среди развивающихся стран с авторитарными режимами различия в качестве институтов — просто космические: в дореформенном Китае — менее 1 убийства на 100 тыс. человек населения, а во многих авторитарных странах Черной Африки — 20 и более.

Больше того, и в Китае, и в Восточной Европе рост неравенства и преступности при экономической либерализации тоже был значительным. В Китае без всякого падения производства неравенство в распределении доходов выросло не менее, чем в России (рис. VII.4), и больше, чем в странах Восточной Европы. А по числу миллиардеров (40 в 2008 г.) Китай хоть

пока и отстает от России (86), но при нынешнем росте — с нуля в 90-е годы до сегодняшнего уровня всего за десятилетие — видимо, скоро опередит.

Неравномерное же распределение доходов, как известно, отрицательно сказывается на экономическом росте и потому, что ухудшает инвестиционный климат [Alesina, Perotti, 1996; Alesina, Rodrik, 1994], и потому, что ведет к образованию групп давления, противодействующих структурным реформам и макростабилизации [Fernandez, Rodrik, 1991; Persson, Tabellini, 1994]. Вдобавок социальное неравенство питает макроэкономический популизм — перераспределение доходов от конкурентоспособных секторов к неконкурентоспособным, от успешных предприятий к неудачникам, от богатых к бедным [Kaufman, Stallings, 1991].

Почему при одинаковом росте неравенства государственные институты в России оказались «приватизированными», коррумпированными и неэффективными, а в Китае — сохранили свою действенность?

В общем плане дело здесь, видимо, в традициях — неформальных институтах, «азиатских ценностях», которые определяются как примат интересов общины над интересами индивидуума. Собственно говоря, то, что сегодня называют «азиатскими ценностями», до протестантизма XVI века было универсальным принципом всего человечества — никакого примата интересов индивидуума над интересами общества до этого времени не было. Перечитайте Ветхий Завет — сколько народа, своего и чужого, загубил Моисей во имя высшей божественной цели привести соплеменников в Землю обетованную и произвести от них «народ сильный и многочисленный». Нациям надо было тогда выживать в трудной борьбе с врагами — какие уж тут права человека, когда фараон по пятам гонится...

Запад первым вырвался из мальгузианской ловушки роста: сбережений и инвестиций при низком уровне развития хватало только на то, чтобы создать новые рабочие места, но не для повышения капиталовооруженности, от которой зависит производительность труда. Одно время казалось, что Запад, поставивший на личную свободу и права человека, сумел обогнать все другие цивилизации и экономически, и в военном и культурном отношении, так что им остается только подражать Западу, чтобы добиться таких же успехов.

Подражание, однако, и вольное, и невольное (колониализм), оказалось не очень продуктивным — разрыв в уровнях подушевого ВВП к 1900 г. между Западом и остальным миром увеличился до 6:1 и с тех пор не сокращался (рис. 3.4). Только новый подъем Восточной Азии в послевоенный период, и особенно центра Восточной Азии — Китая, заставляет думать, что в соревновании цивилизаций еще рано ставить точку. Китаю (а раньше — другим странам Восточной Азии, основанным на китайской культуре, — Японии, Корее, Тайваню, странам ЮВА) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7–10% и поддерживать эти темпы роста в тече-

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СЕКРЕТ УСПЕХА

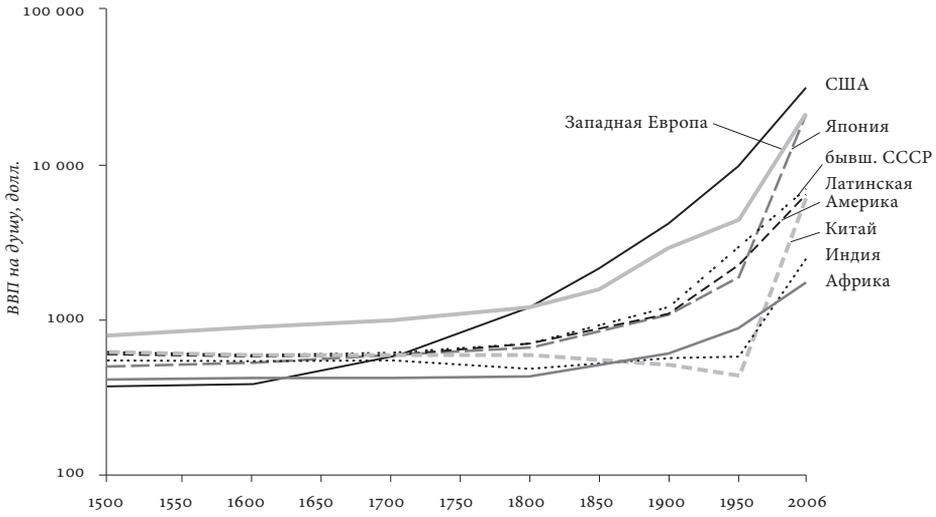

РИС. 3.4. ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности (в международных долларах 1990 г. Джири-Хамиса)
ИСТОЧНИК: [Madisson, 2008].

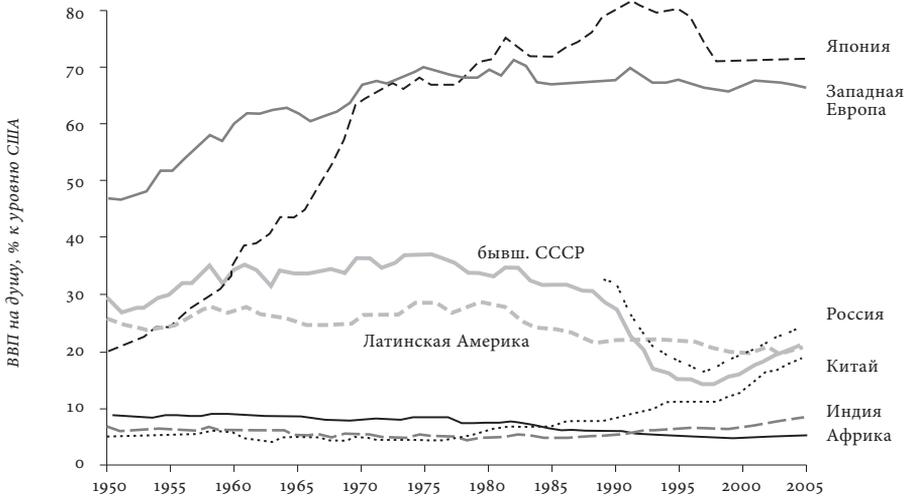

РИС. 3.5. ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности)
ИСТОЧНИК: [Madisson, 2008].

ние нескольких десятилетий. В итоге Восточная Азия во второй половине XX века стала, по сути, единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом. Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось (рис. 3.5).

Да, в 1950–1970-е годы СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращали разрыв с Западом. Но затем их модель импортозамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке — после долгового кризиса начала 1980-х годов, в СССР и Восточной Европе — в 1990-е годы, когда они пережили падение производства, сравнимое только с Великой депрессией 1930-х годов (рис. 3.6).

Собственно говоря, именно и только в Восточной Азии находятся страны, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые — Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других государств, сумевших догнать Запад, в мире пока нет. Два последних случая можно списать на малые масштабы — это города, а не страны, но вот первые три никуда не денешь, они, что называется, колют глаз. Тем более теперь, когда по стопам этих стран идет Китай с пятой частью мирового населения. Вдобавок ко всему не только темпы экономического роста в Восточной Азии были выше, чем в остальном мире, но и социальное неравенство было ниже, чем в схожих по уровню развития странах, преступность — ниже, продолжительность жизни — выше.

Возвышение Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Гонконга иногда объясняли тем, что США и Запад, стремясь противостоять распространению коммунизма в Азии, «пригласили» эти страны в клуб развитых и всемерно способствовали их быстрому росту (*development by invitation*). Так это или не так — спорный вопрос, но вряд ли можно спорить с тем, что Китай такого приглашения не получал и что его быстрый рост произошел не благодаря, а вопреки политике Запада. Из-за быстрого роста Китая (а затем и Индии) в первом десятилетии XXI века был пройден примечательный рубеж: впервые за почти 200 лет доля развивающихся стран вновь превысила в мировом ВВП долю стран развитых (рис. 3.7). Мир, похоже, прошел точку наивысшего разрыва между богатством Запада и бедностью Юга. В XX веке этот разрыв не увеличился, а с конца XX века он, похоже, сокращается за счет подъема Восточной Азии.

Почему же Восточной Азии удалось и удастся сделать то, что другим развивающимся странам до сих пор не удавалось? Объяснение, возможно, заключается в том, что они нашли другой выход из мальтузианской ловушки — не болезненное перераспределение национального дохода в пользу инвестиций через увеличение доходного неравенства на низких стадиях развития, чреватое разрушением институтов и торможением роста, а естественное увеличение доли накопления по мере повыше-

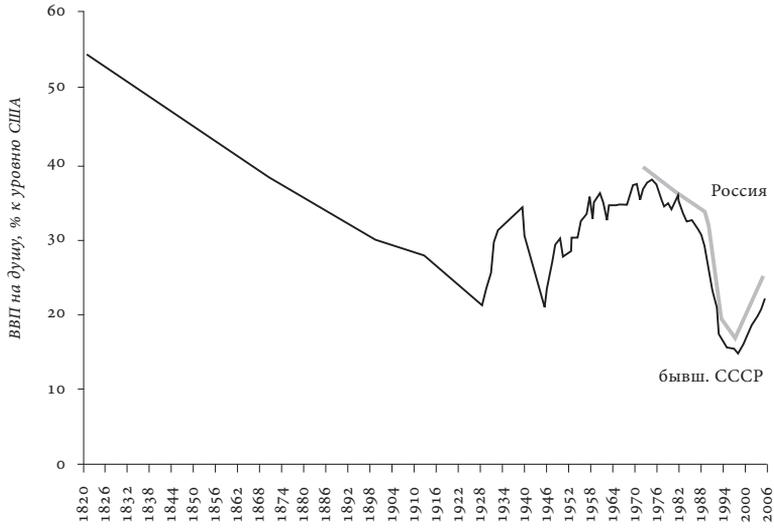

РИС. 3.6. ВВП на душу населения в СССР и России
ИСТОЧНИК: [Madisson, 2008].

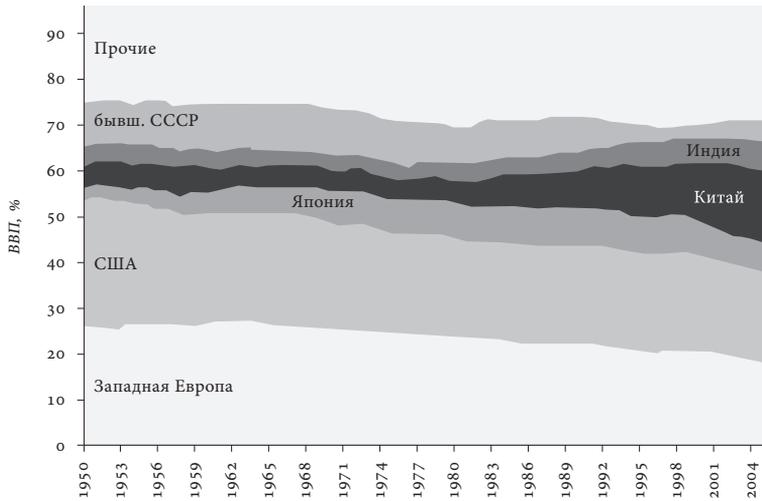

РИС. 3.7. Доля отдельных стран и регионов в мировом ВВП
(по паритету покупательной способности) в 1950–2006 гг.
ИСТОЧНИК: [Madisson, 2008].

ния технического уровня производства без отказа от коллективистских, «азиатских», ценностей и разрушения институтов.

Это, конечно, только гипотеза, которую надо доказывать и проверять, но это кардинальный вопрос теории развития, вопрос, «больше, чем жизнь», как говорят американцы [Роров, 2009с]. Если эта гипотеза верна, преимущество в будущем экономическом развитии имеют те развивающиеся страны, которые сохранили преимущество традиционных институтов больше, чем другие, — Индия, мусульманские страны Ближнего Востока и Северной Африки. Турция, Иран, Египет — вот, где надо ждать новых экономических чудес. Напротив, страны, растерявшие свои «азиатские ценности», — то ли под нажимом Запада, распространявшим новую индивидуалистическую цивилизацию на весь мир, то ли добровольно трансплантировавшие западные институты в надежде стать такими же развитыми — эти страны, Латинская Америка, Черная Африка и СНГ, видимо, будут и далее отставать от развитых, если не случится чего-то непредвиденного.

В этом — еще одно объяснение, может быть, самое важное, почему одна и та же политика приводит к противоположным результатам, а разная политика — к одинаковым: к успеху ведет не один путь, а множество, причем свернуть с раз выбранного пути порой невозможно или очень накладно. Д. Родрик как-то высказался за то, чтобы наконец позволить расцвести тысяче моделей роста [Колодко, 2009, с. 417]. Невольно напрашивается аналогия со словами В. Ленина: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково...» [Ленин, полн. собр. соч., изд. 5, т. 30, с. 123]. Какая-то «дорога к храму» окажется короче и дешевле, другие — длиннее и дороже (и смысле потери темпов роста, и в смысле потерей человеческих жизней), но это не значит, что всем странам надо непременно стремиться свернуть на самый короткий путь и, выстроившись гуськом, маршировать в ногу вперед к счастью. Издержки перехода с одной траектории на другую могут быть запредельно высокими, больше того, сам такой переход может быть и вовсе невозможен и обречен раньше или позже окончиться только возвращением в прежнюю колею.

ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Национальные стратегии развития, разработанные ООН, — это, по сути, альтернатива Вашингтонскому консенсусу. Вместо либерализации, подавления инфляции, сокращения размеров правительства и госсектора (приватизации), устранения барьеров на пути международных потоков товаров и капитала эти стратегии рекомендуют:

- макроэкономическую политику, нацеленную на экономический рост, а не на подавление инфляции любой ценой;

- увеличение госрасходов для предоставления общественных благ и компенсации многочисленных «провалов рынка» в развивающихся странах;
- активную промышленную политику для экспортно ориентированного развития, включая занижение валютного курса;
- укрепление госсектора, который в условиях невозможности обеспечить исполнение контрактов часто оказывается более эффективным способом исправления рыночных дефектов, чем административное, налоговое и дотационное регулирование, особенно в странах, богатых природными ресурсами;
- сильную роль государства в кредитно-финансовом секторе вплоть до его национализации для обеспечения широкого доступа фирм и граждан к финансовым услугам и кредитования приоритетных отраслей, развитие которых сулит общественные выгоды, превышающие выгоды частных инвесторов (экстерналии);
- специальные социальные меры, гарантирующие, что плоды экономического роста не достаются немногим, но равномерно распределяются среди всего населения.

Эта экономическая программа в своих общих чертах отнюдь не нова, фактически эта социал-демократическая программа, известная по крайней мере с XIX века. Однако дьявол, как говорится, в деталях. Как проводить финансовую и кредитную экспансию для стимулирования роста, чтобы не вызвать высокую инфляцию? Какие именно отрасли надо поддерживать в рамках промышленной политики и какими методами? Когда создавать госпредприятия или национализировать частные, а когда приватизировать? Когда оправдана протекционистская защита внутреннего рынка? Как регулировать международные потоки капитала? Какой валютный курс и какие валютные резервы надо поддерживать?

В национальных стратегиях развития обобщается опыт развивающихся стран последних десятилетий — и позитивный, и негативный. Оказывается, что успехи развития были практически всегда связаны с неортодоксальным подходом, а либеральная модель открытой экономики практически нигде не привела к сокращению разрыва в уровнях хозяйственного развития с Западом. Однако воспроизвести успех совсем не просто. Хотя успех догоняющего развития всегда был связан с активным участием государства, обратное утверждение неверно: усиление роли государства не всегда приводило к ускоренному росту. Больше того, в мире слишком много примеров впечатляющих провалов этатистской модели развития — от краха плановой экономики в СССР и Восточной Европе до долгового кризиса начала 80-х в Латинской Аме-

рике, означавшего банкротство модели импортозамещения на основе привлечения иностранного капитала.

После краха СССР китайская, точнее восточноазиатская, модель развития завоевывает все больше сторонников в развивающихся странах — от Бразилии до Фиджи. Все больше экономистов и политиков в самых разных странах Юга признают, что не только рынок, но и правительство должно внести свой вклад в экономический успех, в частности, путем проведения экспортно ориентированной промышленной политики, то есть создания налоговых, кредитных, таможенных и прочих преференций передовым отраслям и предприятиям, нацеленным на внешние рынки. Это прямо противоположно неолиберальным рецептам и объективно противоречит интересам Запада. Если все «экономические чудеса» в мире случились не благодаря советам международных финансовых институтов по либерализации экономики, а вопреки им, как в Восточной Азии в целом и в Китае в частности, то значит, Запад объективно проводил и проводит политику, направленную на торможение экономического роста Юга? А если все развивающиеся страны завтра выстроят свою экономическую стратегию «à la китайская модель», что же станет с неолиберализмом? Ну и наконец, если все развивающиеся страны начнут расти по 10% в год, как Китай, и в конце концов догонят Запад, как будет выглядеть новый мир?